

ВВЕДЕНИЕ.

ИСКУССТВО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АНАЛИЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ УЛИК.

Деятельность органов, призванных законом к борьбе с преступлениями, в той части, которая относится к процессу расследования преступлений, складывается из целого ряда разнообразных и часто технически весьма сложных актов.

Эти акты или действия органов милиции, уголовного розыска и предварительного следствия в конечном итоге направлены к единой цели установления доказательств в каждом отдельном уголовном деле, находящемся в стадии расследования. Самый же процесс установления доказательств совмещает в себе отдельные моменты, относящиеся к *собираанию, исследованию и оценке* доказательственных фактов или улик.

Только все доказательства, установленные по делу, в их совокупности, кладутся при окончательном разрешении дела в основу приговора суда.

Отсюда понятно, какое огромное значение при расследовании преступлений, в процессе собирания, исследования и оценки доказательств, имеют как соблюдение всей сложной техники расследования, так и правильное применение методов исследования истины в уголовных делах.

Главными и наиболее общими требованиями, обуславливающими достижение истины в уголовном деле, в отношении доказательственных фактов, подлежащих проверке и исследованию на суде, учение о доказательствах признает следующие:

1) Все доказательственные факты, устанавливаемые при производстве расследования, должны иметь характер *достоверности*. Поэтому все фактические обстоятельства, которыми доказываемся состав преступления в данном деле, должны быть выяснены и проверены настолько, чтобы наличность их существования была очевидной, и достоверность их не подлежала сомнению. Это относится как к физическим фактам, т.-е. к действиям (или, наоборот, бездействию), событиям и последствиям, из которых складывается состав исследуемого социально-опасного деяния, так и к фактам психологического характера, относящимся к личности совершителя преступления или других прикосновенных к делу лиц и определяющим степень вменения и ответственности обвиняемого, степень сознательности, правдивости, правильности внутренних восприятий и, вообще, психического состояния тех или других лиц, показания которых выступают доказательствами в деле.

2) Отсюда вытекает и с этим первым требованием связано требование о надлежащей *полноте* доказательств. Расследование должно охватить и осветить все стороны данного исследуемого дела: все отдельные моменты преступного деяния должны быть выяснены (время, место, обстановка преступного деяния, цели и мотивы его совершения и т. п.); все вопросы, возникающие при расследовании и имеющие непосредственное или косвенное отношение к исследуемому преступному деянию, должны получить те или другие точные ответы, в пределах возможных достижений, которыми располагает аппарат расследования. Собранные по делу доказательства должны иметь исчерпывающий характер.

3) *Истинность* доказательств, в смысле «чистоты» источника, откуда получены эти доказательства, является третьим требованием, касающимся значе-

ния доказательственных фактов в уголовном деле, что также связано с требованием достоверности доказательств. Всякие слухи, неизвестно откуда исходящие, анонимные заявления, факты, передаваемые как сплетни или предположения,—не могут служить в деле доказательственными уликами, если они не проверены или при проверке не подтвердились. Это требование обязывает расследующий орган относиться осторожно ко всякого рода неясным, неточным, имеющим подозрительный характер или прямо лживым и подложным сведениям и источникам доказательств, и подвергать их в каждом отдельном случае серьезнейшей проверке, для установления их «чистоты» или истинности.

4) Наконец, *всесторонность и об'ективность оценки* доказательств является также существенным требованием и предпосылкой успешного и правильного расследования. Поэтому, при расследовании представляется недопустимым принятие за улику добытого факта ни на основании произвольного предположения, не подтверждаемого доказательствами, ни на основании одностороннего предвзятого предположения, которое, хотя и имеет под собой кое-какие видимые основания в известной стадии расследования, но опровергается в процессе дальнейшего хода следствия. Чтобы приобрести значение доказательства, каждый факт, допускающий альтернативное об'яснение, должен получить подтверждение в ту или другую сторону—другими фактами, имеющими характер достоверности.

Только при соблюдении всех этих условий, а именно при полной достоверности собранных по делу доказательств, при условии полноты обследования всех существенных обстоятельств дела, при не вызывающей сомнения в подлинности и чистоте источников доказательств и при всесторонней об'ективной оценке—расследование может дать суду надлежащий материал для правильного суждения по делу.

В соответствии с пред'явленными основными требованиями к уголовным доказательствам, теория и практика расследования уголовных дел дает нам и целый ряд правил, относящихся к порядку и способам исследования доказательств, которые будут нами даны ниже при изложении отдельных казусов в очерках этой книги.

Самое применение методов и приемов уголовного расследования, как мы укажем далее, кроме того, требует некоторого *искусства* в пользовании ими.

Под искусством в области расследования преступлений мы понимаем умение, в отдельных наиболее сложных случаях, собрать и закрепить в актах расследования наиболее полноценный материал по делу, используя при этом методы, приемы и научно-технические способы исследования, дать правильное об'яснение отдельным неясным и загадочным моментам в деле, дать надлежащую оценку обнаруженных фактических данных и наметить правильные начальные пути, по которым расследование может безошибочно напасть на след совершителя преступления.

К сожалению, до сих пор у нас наряду с достижениями в области розыскного и следственного дела имеется ряд упущений и дефектов, с некоторыми из которых мы встретимся в последующем изложении. Мы поставили себе задачей в настоящей книге дать некоторое углубление практической работе этих работников и в виде опыта дать для них пособие, основанное на анализе отдельных казусов уголовной советской практики последних лет.

Нередко одни преступления, которые в момент их обнаружения казались просто об'яснимыми и по которым расследование в самом начале уже давало как-будто полную картину совершившегося, в дальнейшем затемнялись целым

рядом случайных побочных обстоятельств и мелочей, которые мешали точному выяснению и установлению основных моментов расследования.

С другой стороны, преступления, совершители которых в момент обнаружения этих преступлений не были найдены и бесследно скрылись, оставались совсем не раскрытыми, и дело представлялось «загадочным», или, в лучшем случае, в процессе расследования, добывались более или менее веские, а иногда и сомнительные «косвенные» улики против заподозренных лиц, на основании которых эти лица и привлекались затем к следствию в качестве обвиняемых.

Наблюдались в практике и случаи другого порядка. Одно какое-либо сложное и запутанное дело о преступлении, которое казалось вначале загадочным, быстро затем развевывалось и, благодаря усилиям агентов розыска и следствия, получало всестороннее освещение, являя в конечном итоге вполне раскрытое преступление, совершители которого были найдены и изобличены; и в результате следствие давало полную и яркую картину преступления.

В подобных случаях сравнительно различные результаты расследований, сравнительная успешность одних или неудача других, полнота обследования или, наоборот, недостаточная разработка материалов дела, наконец, ошибки или исключительные достижения в работе по расследованию—объясняются, с одной стороны, различной подготовкой лиц, принимавших участие в расследовании, их сравнительно различным опытом; с другой стороны, сложностью и трудностью исследования дел, требующих приложения к данному индивидуальному случаю *правил научно-уголовной техники и установленных наукой и принятых процессуальной практикой методов исследования и оценки доказательств*.

Знание этих методов и навык в приложении их на практике—таков путь к качественно-удовлетворительному следствию.

Навыки и опыт в искусстве расследования, получаемый в результате длительной разработки отдельных дел, возникающих каждое в своеобразной обстановке, все же дает возможность при изучении процесса расследования уже законченных дел прибегнуть к ряду объективных более или менее достаточных, технических приемов, обеспечивающих успешное расследование дела. Нельзя утверждать, что расследование есть только одно искусство; техника знает и здесь ряд приемов, которые более или менее обеспечивают от ошибок. Конечным идеалом является такое положение вещей, при котором следственная деятельность органов по расследованию преступлений будет, по возможности, очищена от всяких ошибок. Это, конечно, идеал, но, тем не менее, нет никаких оснований считать, что он является недостижимым.

Указывая, с одной стороны, на важность и сложность работы по расследованию преступлений, отмечая в то же время не всегда и не везде достаточно успешную работу наших органов расследования, и учитывая, с другой стороны, существующую потребность в практических пособиях и руководствах в этой области, мы поставили себе задачей на основании изучения нескольких наиболее характерных уже законченных уголовных дел из практики советского пролетарского суда последних лет, сделать опыт примерного анализа оценки доказательственных улик в процессе расследования преступлений.

Так как наш труд не преследует задачи дать общее руководство по технике расследования преступлений, а имеет *казуальный* характер и дает в очерках примерный анализ установления доказательств по отдельным делам, в соответствии с требованиями научно-уголовной и процессуальной техники и учения об уголовных доказательствах, то естественно, что наш метод изложения материалов

отличается от плана и системы изложения учебников и руководств по тем же вопросам.

В то время как в учебниках и руководствах по предметам уголовно-процессуального права и по теории и технике расследования материал располагается по предметной программе или в порядке изложения и объяснения отдельных процессуальных моментов с приведением в соответствующих главах для иллюстрации абстрактных или конкретных примеров, мы в своей книге даем изложение содержания целого ряда дел в форме отдельных очерков, при чем в каждом очерке излагаем последовательно важнейшие стадии в процессе расследования данного преступления и вместе с тем, подвергая критике методы собирания, исследования и оценки доказательств по данному делу, отмечаем в одних случаях ошибки, неправильные уклоны или процессуальные упущения, допущенные, по нашему мнению, в стадии дознания или следствия, а в других случаях указываем положительные результаты и достижения в деле установления доказательств, и попутно же в изложении даем обобщающие выводы, логически вытекающие из сделанного нами разбора и оценки розыскных и следственных действий, произведенных в целях установления доказательств по данному делу.

Из числа многих законченных дел, которые нами изучены и разобраны, мы взяли наиболее типичные казусы, которые дают или примеры образцово проведенного расследования в смысле быстрого, полного и всестороннего выяснения всех фактических обстоятельств дела и полного установления доказательственных улик, или же такие примеры, где в процессе расследования были допущены какие-либо характерные нарушения норм процессуального права, или же отклонения от нормальных методов исследования истины и установления и оценки улик.

Кроме того, в настоящее издание включены несколько очерков с анализом некоторых дел, имеющих особо актуальное значение в условиях обострения классовой борьбы.

Предлагая в указанном разрезе описание процессов расследования преступлений по отдельным уголовным делам, проходившим в практике советских судов, и отмечая то, что было сделано органами розыска и следствия по этим делам и то, что, по нашему мнению, могло и должно было бы быть сделано в пределах использования всех возможностей, которые дает нам техника розыскного и следственного процесса, мы и полагаем, что предлагаемая читателю книга может в указанном отношении оказаться полезной в деле расследования преступлений для наших следователей и органов уголовного розыска, всегда имеющих возможность столкнуться в своей практике со случаями, аналогичными с описанными в наших очерках.

БЫСТРОТА И ПОЛНОТА ПЛАНОВОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ. ДОСТИЖЕНИЯ В ПРАКТИКЕ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА.

(Дело об убийстве Ольги Чумаковой).

Выяснение событий, предшествовавших исчезновению Ольги Чумаковой, определившее дальнейшее направление розысков.—Установление промежуточных моментов исследуемого события.—Изъятие из земли трупа неизвестной убитой женщины и установление тождества личности трупа.—Корешки плакатных билетов, как уликовый материал, осветивший существенный момент дела.—Значение повторного обыска у обвиняемого и его результаты.—Исчерпывающий характер установления доказательств в процессе дознания и розыска.

При расследовании загадочных дел об убийствах, где самое преступное событие предполагается только вероятным и где в момент начала расследования не имеется налицо объекта преступления (трупа), в задачу органов дознания и розыска входит прежде всего обнаружение жертвы преступления, нахождение трупа исчезнувшего лица.

В подобных случаях чрезвычайно трудно бывает найти исходную точку и наметить правильный путь, по которому должны быть направлены розыски, и не менее трудно бывает при этом собирать и закреплять объективные данные, которые могут в дальнейшем служить доказательственными фактами по делу. Быстрота темпа розыскных действий и вместе с тем установление связи отдельных эпизодов одного и того же исследуемого события в одну стройную цепь доказательств по намеченному плану, который указывается логикой фактов,—обычно в таких случаях обеспечивают успешность расследования.

Так было в деле об убийстве гр. Ольги Чумаковой, раскрытие которого являет образец достижений уголовно-розыскного расследования и притом такого расследования, в котором быстрота работы розыскной инспектуры сочеталась с исчерпывающей полнотой собранных по делу доказательств, увязанных общим планом, по которому естественно и логически правильно направлялось расследование, в виду чего легко и в кратчайший срок было раскрыто весьма сложное дело и были всесторонне освещены все моменты такого преступного события, начальный и конечный акты которого раскинулись на далеком протяжении двух соседних губерний.

На одной из окраинных улиц г. Москвы в конце 1923 г. проживала гр. Ольга Семеновна Чумакова, занимая совместно с другими жильцами небольшую квартирку старого дома, заселенного, как и большинство домов этого района, преимущественно рабочими, занятыми или работающими на окрестных фабриках. В соседстве с ней, в другом доме, проживала ее мать, находившаяся на иждивении другой дочери Ксении Сергеевны, работавшей на лако-красочном заводе.

Сама Ольга Чумакова уже давно находилась без работы, зарегистрирована была на бирже труда, как безработная, и жила на свои имевшиеся у нее кое-какие сбережения. Около 10 лет назад Чумакова потеряла мужа и, оставшись вдовой в возрасте около 30 лет, продолжала работать на одной из фабрик, где познакомилась с демобилизованным рабочим, москательщиком по профессии, Романом Григорьевичем Григорьевым. В 1918 году Чумакова сблизилась с Григорьевым во время одной из поездок за продуктами и после того находилась с ним в связи около 5 лет. Григорьев был женат и имел 5 человек детей. Скры-

вая свою связь от жены, Григорьев приходил на квартиру к Чумаковой, оставаясь иногда у нее и ночевать.

Однако, в июле месяце 1923 года между Григорьевым и Чумаковой произошла ссора, закончившаяся разрывом: Григорьев самовольно взял у портного, живущего в одном доме с ним, костюм, заказанный Чумаковой из ее материи, и присвоил этот костюм себе. Чумакова подала жалобу в народный суд, обвиняя Григорьева в присвоении принадлежащего ей костюма. Так дело шло до зимы; Григорьев у Чумаковой не бывал, и связь у них прекратилась. Между тем, на 7 декабря было назначено в нарсуде дело Чумаковой с Григорьевым. Накануне этого дня Чумакова сообщила проживающим с ней в одной квартире гр. Юрасовой и Ивановой, что она помирилась с Григорьевым, так как он ей «покорился», что суд с ним она прекращает. Об этом же она сказала и своей сестре и матери, вместе с тем сообщив им неожиданную для них новость, что она уезжает с Григорьевым на его родину, в Смоленскую губ., куда он зовет ее к своим родным, где они построят себе свой дом, для чего она и берет с собой свои последние сбережения и ценные вещи.

7 декабря Чумакова на суд не пошла, а 9 декабря, в воскресенье, она упаковала в корзину свои пожитки, собрала ценные вещи, в том числе имевшиеся у нее несколько золотых монет по 10 руб., 8 червонцев денег, часы с шейной цепочкой, три золотых кольца с камнями и т. п. и уехала на извозчике на Виндавский вокзал.

Через некоторое время, однако, сестра и мать Чумаковой узнали, что Григорьев находится в Москве и никуда не уезжал.

Так как в течение трех недель с отъезда Чумаковой никаких сведений о местопребывании ее родные получить не могли, то мать Чумаковой обратилась 3 января с заявлением в отделение милиции, прося произвести розыски ее исчезнувшей дочери. Опрошенный милицией Григорьев объяснил, что он с июля месяца покончил всякие сношения с Чумаковой и с тех пор с ней не видался, и сам он никуда в декабре не уезжал. Близкие соседи Григорьева подтвердили, что Григорьев с 5 декабря никуда из дома не отлучался и не выезжал.

15 января сестра Чумаковой, Ксения Сергеевна, подала в Московский уголовный розыск новое заявление, прося произвести следствие по делу об исчезновении ее сестры, указав при этом, что хотя Григорьев и утверждает, что он с июля месяца не встречался с ее сестрой, однако есть свидетели, которые могут удостоверить, что они видели Григорьева вместе с ее сестрой накануне отъезда сестры.

В дальнейшем МУУР'у удалось установить, что Ольга Чумакова убита.

Прежде всего, как и следовало это сделать, опросами близких лиц, живших в соседстве в одной квартире с Ольгой Чумаковой, были подробно выяснены *все события последних дней, предшествовавшие отъезду Чумаковой*, при этом было установлено следующее.

В начале декабря к Ольге Чумаковой приходил в течение нескольких дней, почти ежедневно, племянник Григорьева, Степа, который оставался у Чумаковой до 11—12 час. ночи, играл в присутствии мальчиков, живущих в квартире Чумаковской, Кости и Миши Слуховых, на балалайке, принадлежащей одному из этих мальчиков, звал «тетю Олю» к себе в деревню. Накануне дня, назначенного в нарсуде для разбора дела Чумаковой и Григорьева, т. е. 6 декабря, тот же Степа (как оказалось, действительно, племянник Григорьева, Степан Нефедов. Кудрявцев) вечером приходил в квартиру Чумаковой, вызвал ее из комнаты, после чего Чумакова ушла с ним в пивную, откуда вернулась в 7 час. ве-

чера и по возвращении рассказывала живущей в этой же квартире Анне Ивановой, что помирилась с Григорьевым. После того, уже 8 декабря, часов в 5 вечера, сам Григорьев приходил вместе с Чумаковой в ее квартиру, но пробыли они в квартире только минут 10, после чего вышли, а затем Чумакова, повидимому, что-то забывшая взять, сейчас же вернулась и опять ушла.

Опрошенный агентом МУУР'а Григорьев продолжал утверждать, что он с июля месяца порвал всякую связь с Чумаковой и с ней не встречался нигде, если не считать случайных встреч на бирже труда, что ничего об от'езде Чумаковой он не знает, что же касается племянника его, Степана Кудрявцева, то, действительно, последний приезжал к нему из деревни 2 декабря, в надежде здесь найти какую-нибудь службу, но 7 декабря уехал из Москвы обратно в деревню. Произведенным в квартире Григорьева 1 февраля обыском ничего подозрительного обнаружено не было и никаких вещей, принадлежавших Чумаковой, найдено не было, а свидетели, знавшие близко обиход Григорьева, продолжали утверждать, что Григорьев в декабре никуда из Москвы не уезжал. То же самое подтвердила и жена Григорьева.

Все указанные выше обстоятельства внушали основательное подозрение против Григорьева, однако, никаких прямых улик против Григорьева в убийстве Чумаковой не было, да и самый факт возможного убийства Чумаковой ничем не подтверждался: никаких сведений о нахождении в Москве трупа убитой женщины, похожей по приметам на Чумакову, не было.

Представлялось вероятным, что Чумакова могла быть убита не в Москве, а в пути, при чем в этом деле мог принять какое-то участие Степан Кудрявцев.

МУУР'ом был командирован агент уголовного розыска в Смоленскую губ., на родину Григорьева, в дер. Поповцево, Монинской вол., Бельского уезда, куда уехал приезжавший в Москву в начале декабря племянник Григорьева Степан Кудрявцев. Произведенным там дознанием и в частности опросами Степана Кудрявцева и отца последнего, Нефедя Кудрявцева, 8 февраля 1924 года удалось лишь установить, что Степан в конце ноября поссорился со своим отцом и уехал без его ведома в Москву, а когда отец его, предполагая, что сын находится в Москве, написал Григорьеву письмо, чтобы он присылал сына домой, то Степан и вернулся домой, приехав в деревню около 8 декабря. Сам Степан Кудрявцев об'яснил при этом, что в бытность его в Москве он, действительно, был у Чумаковой раза три, что познакомился он с ней в этот же приезд в Москву совершенно случайно на рынке. Обыск, произведенный у Кудрявцевых, никаких результатов не дал.

Внезапное исчезновение Ольги Чумаковой 9 декабря 1923 года из Москвы оставалось, таким образом, загадкой. Предположение, что Чумакова могла быть убита на пути из Москвы при участии Григорьева и Кудрявцева, представлялось, однако, весьма вероятным. С одной стороны, не возникало сомнения в том, что Чумакова выехала из дома с намерением ехать с Григорьевым к нему на родину, куда за два дня уехал Кудрявцев, и что Григорьев и Кудрявцев виделись последние дни перед от'ездом с Чумаковой. С другой стороны, представлялись чрезвычайно подозрительными об'яснения Григорьева, отрицавшего почему-то свидание с Чумаковой накануне от'езда ее, и об'яснение Кудрявцева о необычно странном знакомстве с Чумаковой на рынке и посещениях ее перед от'ездом из Москвы.

Однако, при отсутствии в деле других улик, при отрицательных результатах обысков, произведенных у заподозренных лиц, и, наконец, при полном отсутствии сведений о смерти Чумаковой, которая бесследно исчезла, не могло

быть и речи о привлечении в качестве обвиняемых в убийстве Чумаковой—Григорьева и Кудрявцева. Перед уголовным розыском стояла трудная задача обследовать путь, по которому могла направляться по железной дороге Чумакова, выяснить, с кем она могла ехать, и не выезжал ли, действительно, с ней из Москвы Григорьев, который мог вскоре и вернуться обратно. В этом направлении и были в дальнейшем произведены розыски агентом МУУР'а, командированным из Москвы на родину Григорьева.

В деревню Поповцево, Бельского уезда, Смоленской губ., путь из Москвы лежит по Московско-Белорусско-Балтийской жел. дор. от Виндавского вокзала до ст. Нелидово, а далее до деревни Поповцево по грунтовой дороге около 30 верст.

После безуспешных розысков в деревне Поповцево агент МУУР'а путем расспросов на ст. Нелидово попытался выяснить, *какие лица 10 декабря, т.-е. на другой день выезда Чумаковой из Москвы, прибыли с Московским поездом на эту станцию* и где обычно приезжие, направляющиеся дальше отсюда на лошадях, останавливаются для отдыха. Оказалось, что на ст. Нелидово имеется дом для проезжающих, нечто в роде гостиницы, который содержит вдова крестьянина Вера Михайловна Чумарова со своей матерью. Из расспросов Чумаровой 9 февраля удалось узнать, что 10 декабря в 7 час. утра пришли к ней двое проезжих—мужчина и женщина, которые остановились у ней выпить чаю и заняли комнату в верхнем помещении ее везежного дома, а так как к Чумаровой обращались извозчики с предложением отвезти пассажиров, то она спросила приехавшую женщину, не нужен ли им извозчик, на что женщина ответила, что за ними приедет на лошади племянник их, и, действительно, часов в 10 утра за этими проезжими приехал молодой человек, лет 17, который спросил, здесь ли остановились москвичи—«дядя Роман», на что она, Чумарова, ответила, что какие-то приезжие находятся наверху, куда и направился этот молодой человек, а вскоре затем мужчина и женщина с этим молодым человеком и уехали. Подробное описание внешности приезжих, со слов Чумаровой, совпадало с приметами Чумаковой и Григорьева. Мать Чумаровой, старушка, объяснила, что она также видела этих проезжих, когда они выходили все вместе с молодым человеком, приехавшим за ними на лошади, и сели в сани, при чем она обратила внимание, что люди эти хорошо одеты, а лошадь, на которой они уезжали, сероватой масти или чалая, была худая.

По пред'явлении агентом розыска серо-чалой лошади Кудрявцева из дер. Поповцево, мать Чумаровой категорически опознала ее за ту самую лошадь, на которой уезжали приезжие москвичи со станции Нелидово, вместе с тем обе Чумаровы признали в пред'явленном им в тот же день Степане Кудрявцеве того молодого человека—«племянника», который приезжал 10 декабря за приезжими—мужчиной и женщиной.

Удачные розыски, направленные по правильному и точно намеченному пути,—сразу приблизили расследование к конечному пункту: труп убитой Чумаковой после этого можно было ожидать найти только по дороге от ст. Нелидово на пути к Поповцеву.

Еще за день до опроса Чумаровых агентом уголовного розыска по прибытии на ст. Нелидово собирались сведения, не было ли обнаружено в районе прилегающих к станции местностей в декабре месяце труп женщины, при чем были получены сведения, что в 7 верстах от станции Нелидово, в Поткинской волости, в стороне от дороги, близ дачи Резникова, около 10—15 декабря был найден труп неопознанной никем женщины с разрубленным черепом, который и был похоронен.

Представителем МУУР'а немедленно телеграммой было затребовано из Бельского уездного уголовного дознания по делу о найденном трупе неизвестной женщины.

Актами этого дознания устанавливалось, что 12 декабря проезжавшими из дер. Лепешихи к ст. Нелидово двумя крестьянами в лесу, в стороне от дороги, в 3—4 саженьях от нее, за канавой был найден труп убитой неизвестной женщины. Лицевая часть головы трупа, как видно из акта осмотра трупа, совершенно отсутствовала, повидимому, была отрублена топором, так что опознать личность трупа было нельзя; черепная кость раздроблена на мелкие куски. Верхнее платье и головной убор на трупе отсутствовали; сверху же нижнего белья на трупе оказалась одетой ситцевая белая черными точечками кофта, на шее серебряный крестик с цепочкой. Около трупа найдены женская приколка, искусственная челюсть с 14 зубами, одна сережка и женская гребенка. На шее в области гортани была обнаружена зияющая поперечная рана.

Вызванной из Москвы сестре Чумаковой Ксении Сергеевой агентом розыска был *предъявлен изъятый из земли труп этой неизвестной женщины*, при чем Сергеева определенно опознала в этом трупе свою сестру Ольгу Чумакову, а в вещественных доказательствах, найденных на трупе и при нем, признала вещи, принадлежавшие ее сестре.

В дополнение к этим, достаточно веским прямым уликам, изобличающим Григорьева и Кудрявцева в убийстве Чумаковой, агентом розыска были, кроме того, добыты новые.

По возвращении в Москву с полученными результатами вполне раскрытого дела агентом МУУР'а была наведена справка по вопросу о порядке выдачи плацкарт лицам, едущим по железным дорогам, при чем было установлено, что плацкарты выдаются пассажирам без представления ими личных документов, но с обязательным опросом их фамилий, при чем билетным кассиром при выдаче билетов на скорые поезда фамилии записываются как на плацкарте, так и на корешке. После этого при осмотре 14 февраля в архиве отдела сборов правления М.-В.-В. жел. дороги агентом были обнаружены и приобщены к делу два корешка от плацкарт от 9 декабря на поезд № 7, ваг. № 2, на которых на обороте были карандашом помечены фамилии: на одном «Чумакова», на другом «Григорьев».

Эти доказательства, собранные в процессе расследования в пределах г. Москвы и Смоленской губ. в течение времени менее месяца путем целого ряда быстрых поверочных следственных действий, произведенных агентом МУУР'а, были вполне достаточны для привлечения Григорьева и Кудрявцева в качестве обвиняемых.

Наконец, 15 февраля агентами МУУР'а был произведен у Григорьева новый обыск, при котором в погребе под бочкой с капустой в земле было найдено спрятанными 47 штук золотых монет по 10 руб. и дамские золотые часы.

По объяснению жены Григорьева деньги золотом были нажиты лично ею еще в мирное время и спрятаны ею в погребе после ареста мужа по настоящему делу; точно также ей принадлежат и золотые часы. По предъявлении же золотых часов Ксении Сергеевой, последняя признала их принадлежащими покойной сестре ее Ольге Чумаковой.

В дальнейшем, задержанные органами МУУР'а обвиняемые Григорьев и Кудрявцев были вновь допрошены и дали новые объяснения, при чем Григорьев отрицал свое участие в убийстве Чумаковой, утверждая, что хотя он, действительно, поехал с Чумаковой к себе на родину, где хотел поселиться с ней, но при выезде со ст. Нелидово на лошади, на которой за ними приехал племянник Сте-

пан Кудрявцев, он, Григорьев, был совершенно пьян и заснул, а когда очнулся, то увидел себя лежащим в снегу на дороге у моста, недалеко от ст. Нелидово, после чего встал, вернулся на станцию и уехал обратно в Москву, думая, что ему изменила Чумакова и уехала с племянником. Кудрявцев же при новом допросе подтверждал свои прежние объяснения, отрицая свое участие в убийстве, говоря, что он даже и не приезжал на ст. Нелидово за дядей и Чумаковой. И только позднее, уже на предварительном следствии, Кудрявцев дал новое показание, объяснив, что когда они выехали со ст. Нелидово, то дядя его был пьян и заснул, и когда они проехали верст семь, то ему внезапно пришла мысль убить Чумакову за то, что она разрушила семейную жизнь дяди; в это время они ехали лесом; боясь, что дядя помешает ему убить Чумакову, он, Кудрявцев, вывалил дядю из саней, после чего ударил топором 3 раза по голове Чумакову и, заметив в это время ехавших по дороге людей, выбросил вещи Чумаковой из саней, а сам вернулся домой.

Таковы в общих чертах последовательные этапы произведенного агентом МУУР'а расследования дела об убийстве Чумаковой, окончившегося полным раскрытием этого хитро задуманного корыстного убийства.

Освещенное со всех сторон, в процессе дознания, это дело со стороны следователя, к которому поступили материалы расследования, потребовало лишь дальнейшего оформления дела и производства, в порядке 109 ст. Угол.-проц. код., отдельных следственных действий; представления обвинения обвиняемым, допроса их и составления обвинительного заключения. При этом, была привлечена и жена Григорьева по обвинению в укрывательстве убийства по 16 и 142 ст. Уг. код.

Смоленским губ. судом—Григорьев и Кудрявцев были приговорены к лишению свободы со строгой изоляцией—первый сроком на 10 лет, второй на 8 лет; жена Григорьева была признана по суду оправданной.

Мы остановились на этом деле, как на весьма характерном показательном примере образцово проведенного расследования.

С технической стороны, с точки зрения выполнения необходимых приемов собирания и установления доказательств лицом, производившим расследование, это дело представляет образцовый пример *планомерного* расследования, в котором все внимание было направлено на установление отдельных моментов исследования, которые могли иметь естественную связь между собой, и превратить только предположения, возникшие в начальный момент расследования,— в событие, безусловно достоверное. Полное обследование событий предшествовавших исчезновению Ольги Чумаковой в Москве, определило план расследования и направление, в котором нужно производить дальнейший розыск. Поездка в Смоленскую губернию наметила район, в пределах которого только и могли быть найдены концы преступного события. Установление факта проезда через ст. Нелидово 10 декабря москвичей, похожих по приметам на потерпевшую и подозреваемых,—указало место, где нужно искать труп исчезнувшей Чумаковой. Предъявление приметной лошади Степана Кудрявцева и его самого свидетельницам Чумаровым закрепляло до тозерную связь между исследуемыми событиями и давало ряд новых неопровержимых доказательств, подтверждающих возникшее подозрение. Нахождение трупа и установление тождества личности убитой с личностью Чумаковой привело расследование к конечному моменту, связавшему все отдельные эпизоды исследуемого события—опять-таки в единую цепь достоверных фактов. Нужно было далее установить